

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА LANGUAGE STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2299-2026-17-1-221-235
EDN: IAPDR

Научная статья / Research Article

Лингвистические аспекты исследования алекситимии

Е.А. Горобец

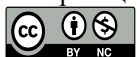
Казанский (Приволжский) федеральный университет, *Казань, Российская Федерация*
 Elena.Gorobets@kpfu.ru

Аннотация. Алекситимия представляет собой специфический когнитивный статус, который характеризуется трудностями осознания и экстерииоризации, в том числе вербальной, эмоций и физических ощущений. В течение последних пятидесяти лет алекситимия активно изучается представителями различных специальностей, поскольку представляет собой междисциплинарный феномен и имеет очень высокую клиническую значимость, в первую очередь в связи с ее коморбидностью с неврологическими, соматическими и психическими заболеваниями. Цель исследования: анализ психо- и нейролингвистических работ, связанных с алекситимией, и обсуждение различных современных точек зрения на механизмы, лежащие в основе осознания и вербализации эмоций и ощущений у информантов с высоким уровнем алекситимии. Охарактеризованы лексические и грамматические особенности их речи (специфика номинации, восприятия единиц с метафорическим переносом, частеречной обработки, структуры высказываний, прагматические характеристики), особенности обработки вербальной и невербальной информации, связанной с эмоциями и ощущениями, отмечается наличие комплексных трудностей когнитивной обработки эмоций, связанных не только с языковыми аспектами проблемы, затрагиваются проблемы алекситимии у подростков. Обсуждены изменения в области измерения уровня алекситимии (постепенное движение от опросников, представляющих собой самоотчет, к автоматической диагностике с помощью компьютерных программ), представлены перспективные направления исследования алекситимии.

Ключевые слова: психолингвистика, интероцепция, перцепция, вербализация, эмоция, ощущение

Конфликт интересов: автор заявил об отсутствии конфликтов интересов.

© Горобец Е.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование: Работа выполнена за счет гранта Академии наук РТ, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан» (соглашение от 16.12.2024 № 12/2024-ПД).

История статьи: дата поступления: 23.08.2025; дата приема в печать: 15.11.2025.

Для цитирования: Горобец Е.А. Лингвистические аспекты исследования алекситимии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2026. Т. 17. № 1. С. 221–235. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-221-235> EDN ИАПДР

Linguistic Aspects of Alexithymia Research

Elena A. Gorobets

Kazan (Volga Region) Federal University, *Kazan, Russian Federation*

 Elena.Gorobets@kpfu.ru

Abstract. Alexithymia is a specific cognitive state characterized by difficulties in consciously identifying and expressing one's emotions, as well as externalizing emotional and physical sensations. Over the past fifty years, alexithymia has been actively studied by researchers in various fields, as it is an interdisciplinary phenomenon with obvious clinical significance, primarily due to its comorbidity with neurological, somatic, and psychiatric disorders. The aim of this study is to analyze psycho- and neurolinguistic research on alexithymia, discuss contemporary perspectives on the mechanisms underlying emotion and sensation awareness and verbalization in individuals with high alexithymia levels, and characterize the lexical and grammatical features of their speech. (specificity in nomination, perception of units with metaphorical components, part-of-speech processing, utterance structure, pragmatic characteristics), features of processing verbal and non-verbal information related to emotions and sensations. The authors note the presence of complex difficulties in the cognitive processing of emotions associated not only with the linguistic aspects of the problem, and touch upon the problem of alexithymia in adolescents. Changes in the field of measuring the level of alexithymia (a gradual move from questionnaires representing self-reports to automatic diagnostics using computer programs) are discussed, and promising areas of alexithymia research are presented.

Keywords: psycholinguistics, linguistics, vocabulary, grammar, perception, verbalization, emotion, sensation

Conflict of interests: The author declares no conflict of interest.

Funding: The work was carried out at the expense of a grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, provided to young Candidates of Science (postdocs) for the purpose of defending a doctoral dissertation, carrying out research work, and also performing work functions in scientific and educational organizations of the Republic of Tatarstan within the framework of the State Program of the Republic of Tatarstan “Scientific and Technological Development of the Republic of Tatarstan” (agreement dated 16.12.2024 No. 12/2024-PD).

Article history: Received: 23.08.2025; accepted: 15.11.2025

For citation: Gorobets, E.A. (2026). Linguistic Aspects of Alexithymia Research. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 17(1), 221–235. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2026-17-1-221-235> EDN IIAPDR

Введение

Алекситимия традиционно рассматривается как специфический когнитивный статус индивида, испытывающего значительные трудности осознания и экстерииоризации своих эмоциональных переживаний, ощущений, впечатлений, сложности разграничения телесных ощущений и чувств [1–3]. Согласно традиционным представлениям, алекситимичная личность концентрируется преимущественно на внешних событиях и действиях, игнорируя психоэмоциональную составляющую. В исследованиях последних лет наблюдается все более явно выраженная тенденция к характеристике алекситимии как субклинического состояния и как значимого фактора риска развития психосоматических заболеваний, нейропсихиатрического синдрома, фактора риска психопатологий, связанных с эмоциями [4; 5].

Несмотря на очевидную клиническую значимость, механизмы, лежащие в основе снижения эмоциональной чувствительности при алекситимии, описаны в настоящее время достаточно избирательно. Одно из направлений исследований предполагает, что алекситимия возникает из-за неточного или какого-либо нетипичного восприятия внутренних телесных сигналов (интероцепции), которые дают информацию об аффективном состоянии человека [6; 7]. Однако одних интероцептивных сигналов недостаточно для объяснения всего спектра человеческих эмоциональных переживаний, важны и процессы экстерииоризации, в большинстве из которых задействованы языковые механизмы, которые пока изучены недостаточно [8]. Подчеркивается, что внутренние и внешние сигналы интерпретируются по-разному мужчинами и женщинами при определении своих телесных и эмоциональных состояний [9].

Положительная связь между интероцептивной чувствительностью и личностной тревожностью частично опосредована алекситимией, и у лиц, которые подвержены наибольшему риску клинически значимого уровня личностной тревожности, наблюдаются как значительно более высокие уровни интероцептивной чувствительности, так и алекситимии [10], при этом интероцепция у людей с высоким уровнем алекситимии часто является искаженной (они сообщают не о том, что действительно ощущается, либо не сообщают об этом вообще).

Согласно теории концептуального акта эмоций [11; 12], различные ощущения и эмоции воспринимаются посредством автоматического процесса категоризации. Постоянный поток изменений в нейрофизиологическом состоянии организма классифицируется, что приводит к ощущению различных категорий эмоций, и сбой в процессе категоризации приводит к алекситимии [11]. Ключевую роль как в формировании, так и в осуществлении процесса

категоризации играет язык, поскольку именно в его категориях осуществляется приобретение и использование концептуальных знаний об эмоциях [8]. Языковая гипотеза развития алекситимии предполагает опосредованное языком нарушение в развитии дискретных эмоциональных концепций из неоднозначных аффективных состояний. Именно язык помогает их конкретизировать, придавая им четкие эмоциональные вербальные обозначения [13], совокупность которых формирует представление о концепции самой эмоции и помогает ее распознавать в дальнейшем [14–16]. В последующем это отражается на когнитивной регуляции эмоций. Согласно данным D.A.Preese и соавторов, группы информантов с высоким, средним и низким уровнем алекситимии используют разные когнитивные и поведенческие стратегии регуляции эмоций. При высоком уровне реже применяются адаптивные стратегии регуляции (когнитивная переоценка, решение проблем и поиск социальной поддержки), чаще — дезадаптивные (подавление экспрессии, поведенческое отстранение, игнорирование) [17]. Подчеркивается, что самоотчеты о различных психологических состояниях более непосредственно коррелируют с физиологическими изменениями у мужчин, чем у женщин [9].

Исследования связи алекситимии с прагматикой показывают, что высокий уровень алекситимии связан с более низкой скоростью обработки утверждений, однако утверждать, что здесь нет экстрафакторов, сложно, поскольку прагматические трудности могут указывать не только на языковой дефицит, но и на более широкое нарушение социального взаимодействия [16; 18].

Особенности речи информантов с высоким уровнем алекситимии

Лингвистический анализ — один из важных методов, который помогает работать с алекситимичными личностями в условиях клинической практики, в особенности с учетом того, что для диагностики многих заболеваний, в особенности неврологических, обязательным является вербальный отчет пациента о его ощущениях [19; 20]. В последние десятилетия активизируется изучение лингвистических механизмов в выявлении алекситимии и в терапевтической работе с пациентами [21–23].

Вклад в анализ вербальной экстериоризации патологических ощущений, значимых для клинической практики, а именно боли, депрессии, тревоги и головокружения, был внесен казанскими лингвистами. На материале лингвистических экспериментов и образцов свободной речи 750 взрослых информантов с уровнем алекситимии по 20-пунктовой Торонтской шкале алекситимии (TAS-20) [24] более 61 (высокий уровень, позволяющий относить личность к алекситимичной), а также 72 подростков с высоким уровнем алекситимии, была осуществлена уровневая характеристика устной речи, проанализирована эффективность используемых в клинической практике диагностических шкал для данной выборки, разработана серия диагностических инструментов. Выявлены лексические и грамматические особенности речи информантов с алекситимией, которые описаны в серии публикаций

(подробный перечень см. в [2]). В более ранней литературе имеются данные о том, что у алекситимичных пациентов наблюдались и интонационные нарушения — апросодия, которая, в свою очередь, придавала их речи «аффективную ровность» [25], однако зарегистрированные особенности просодии в большой выборке не дают достаточных оснований для того, чтобы связать их именно с алекситимией. Судя по данным немногочисленных публикаций на эту тему, в отношении просодических нарушений при алекситимии есть отдельные кейс-исследования: помимо уже упомянутой работы Р. Marty, статья G.Fricchione и E.Howanitz [26], в которой речь идет об одном пациенте с моторной апросодией и высоким уровнем алекситимии. Есть ряд работ, где устанавливается связь между просодическими нарушениями, алекситимией и какой-либо коморбидной патологией. Так, например, выявлены просодические нарушения у пациентов с шизотипическим расстройством личности, у которых был высокий уровень алекситимии [27], но именно данная коморбидность не позволяет отнести причину просодических нарушений именно к алекситимии. Особого внимания заслуживают экспериментальные исследования K.S. Goerlich, A. Aleman, S. Martens [28] по восприятию разных типов просодии (электрофизиологический ответ на эмоциональную речь у 60 женщин с высоким уровнем алекситимии) и K.S. Goerlich-Dobre, J. Witteman, N.O. Schiller [29] и др. (гемодинамическая активность трех областей просодической сети: верхней височной извилины, нижней лобной извилины и миндалины, исследованная с помощью fMRI у 22 информантов), в результате которых выявляется, что алекситимия связана со «смазанным», притупленным восприятием различных просодических вариантов эмоционально окрашенной речи (радостная интонация, злобная и т.д.). В исследованиях M. Swart, R. Kortekaas, A. Aleman выявляется сниженная скорость ответа на эмоциональную речь, однако авторы полагают, что разница незначительная и не формирует структуру дефицита при алекситимии, в отличие от того факта, что люди с высокими показателями когнитивного компонента алекситимии более склонны к стратегиям подавления эмоций, чем к стратегиям переоценки [30]. Данные машинной обработки, осуществленной Т. Meaney и соавторами, свидетельствуют о возможности делать ряд выводов по характеристикам голоса информантов [31], но данных за специфичность именно просодических характеристик пока недостаточно.

Проведена серия экспериментов, связанных со спецификой номинации у алекситимичных личностей. Выявлено, что в сферах, не относящихся к вербализации эмоций и чувств, речь алекситимичных пациентов не является обедненной; статистически значимых данных, свидетельствующих о том, что именно алекситимия является причиной небогатого словарного запаса у ряда пациентов, получено не было. Трудности номинации относятся в большей степени к сниженной скорости реакции, нежели к проблемам коммуникативного плана. Тесты на literalную беглость показывают результаты, аналогичные тестам на семантическую беглость [2]. К аналогичным выводам

приходят Н. Hobson с соавторами: взаимосвязь между трудностями с идентификацией чувств и вербальной беглостью речи предоставляет лишь ограниченные доказательства роли языковых функций в развитии алекситимии, поскольку в субтестах на литеральную и семантическую беглость задействованы далеко не только речевые процессы [8]. Эмоциональная детализация (точность описания эмоций и ощущений) у информантов с высоким уровнем алекситимии, безусловно, ниже, чем у информантов с низким уровнем, в особенности ярко это видно у подростков; взрослый человек в ходе эксперимента не всегда может признать, что он просто не понимает значения того или иного слова, называющего определенную эмоцию или физическое состояние, подростки делают это легко (ощущения при диспепсии характеризуют как тошноту, дурноту как боль и т.д.) [32; 33].

Изучение обработки единиц с метафорическим переносом, в частности пословиц и поговорок, показало отсутствие статистически значимой разницы в их восприятии, из чего следует, что тезис об отсутствии «образности» мышления является спорным. Из ранней литературы на данную тему не вполне ясно, чем измерялась образность мышления при формировании такого вывода и не касалась ли эта образность только лексики, называющей чувства, эмоции и ощущения. Примечательно, что метафорические переносы, которые представлены одной лексемой, воспринимаются информантами с алекситимией тяжело, через наводящие вопросы и посредством сравнительных конструкций, однако переносный план высказываний, представленных предложениями различных типов, воспринимался в целом на одном уровне с неалекситимичными информантами. Сама структура пословицы, по всей видимости, подсказывает смысл неясных единиц, чего не происходит, когда информант имеет дело с одиночной лексемой [2]. В целом однословные дескрипторы при высоком уровне алекситимии воспринимаются значительно хуже, чем сравнительные обороты и дескрипторы-фразы. Пациенты с алекситимией более успешно воспринимают мини-описания из 2–3 предложений, чем однословный дескриптор без контекста.

Выявлены различия в обработке частей речи информантами с высоким и низким уровнем алекситимии. С точки зрения лингвоперсонологии соотношение частотности единиц, принадлежащих к разным частям речи, дает представление о типе языковой личности [34]. Единицы разных частей речи активизируют различные структуры мозга; в современной психолингвистике части речи рассматриваются как один из способов вербального познания действительности и как инструмент интерпретации этой действительности [35], что открывает важные перспективы изучения специфики их восприятия группами информантов с различным когнитивным статусом. Для алекситимичных личностей характерен операциональный тип мышления, высокий коэффициент глагольности и низкий коэффициент признаковости [2].

На специфику структуры высказываний пациентов с алекситимией указывают также K.S. Lee и соавторы, Н. Hobson и соавторы, при этом

исследователи приходят к выводу о том, что алекситимия сама по себе не ведет к грамматическому обеднению речи, но в обратную сторону механизм работает: наличие проблем с речью (вследствие ее изначального недоразвития либо приобретенного в течение жизни) приводит к высокому уровню алекситимии [8; 16]. Вопрос о взаимосвязи речевых расстройств в литературе последних лет обсуждается очень активно; всё же не до конца понятно, каким образом можно быть уверенными в том, что уровень алекситимии у людей с приобретенными нарушениями речи и расстройствами речевого развития можно измерить с помощью вербальных шкал: наличие речевых расстройств затрудняет адекватный самоотчет [2]. Перспективными являются исследования, в которых изучается риск развития алекситимии у подростков, у которых в детстве были трудности речевого развития. О ранних факторах, способствующих развитию алекситимии, известно немного (в первую очередь в силу того, что уровень алекситимии определяется посредством шкалы самоотчета, применимой только с 10 лет). Языковая гипотеза алекситимии предполагает, что языковые нарушения играют первостепенную роль в предрасположенности детей с нарушениями речи к развитию алекситимии; тем не менее, лонгитюдные данные, отслеживающие перспективную связь между языковой функцией и алекситимией, немногочисленны. K.S. Lee, C. Catmur, G. Bird и соавторы исследовали перспективную связь между развитием речи в детстве и алекситимическими чертами в подростковом возрасте. Результаты показали, что у мальчиков низкий уровень развития грамматических навыков в 5–6 лет может быть связан с высоким уровнем алекситимии в подростковый период, но анализ данной взаимосвязи надо продолжать в более широких выборках [36].

Осуществляются также исследования, связанные с особенностями письменной речи у пациентов с алекситимией. В одном из таких англоязычных проектов анализировались образцы письма информантов с высоким уровнем алекситимии с помощью программного обеспечения *Linguistic Inquiry and Word Count (LIWC)* [37]. Было обнаружено, что те, кто набрал больше баллов по шкале TAS-20, использовали меньше аффективных слов и слов с негативной модальностью (необходимо учитывать, что это исследование имеет ограничения: в нем приняли участие 35 женщин, проходящих лечение у специалистов по репродуктивным технологиям, что делает выборку специфической по целому ряду параметров) [38]. Другое исследование показало, что те, кто набрал больше баллов по шкале TAS-20, использовали меньше слов, выражающих эмоции, и менее разнообразный набор таких слов, но при этом не имели общего дефицита словарного запаса по сравнению с теми, кто набрал меньше баллов [39], что согласуется с данными анализа устной речи, приведенными выше.

Исследовательская группа из Военного института физической культуры и Новосибирского государственного медицинского университета независимо от других исследовательских групп, проанализировав русскоязычные тексты

на заданную тему, приходит к выводам о том, что общим независимо от принадлежности к этносу является лингвокогнитивный уровень языковой личности, в то время как на вербально-семантическом уровне морфологические и пунктуационные маркеры перестают быть значимыми [40].

Роль формата проведения исследования имеет значение, поскольку «форма эксперимента оказывает влияние на структуру ассоциативного поля: письменная форма формирует ассоциативное поле как гетерогенную структуру, и его лексическое разнообразие создается за счет периферии; устная форма формирует ассоциативное поле как гомогенное поле, где большое лексическое единообразие достигается за счет ядра» [41], и это необходимо учитывать при проведении исследований.

Алекситимичные личности, как правило, испытывают проблемы на уровне смыслового или семантического синтаксирования, не справляясь с выбором внутренних слов по значению и выбором самих слов, если они касаются эмоциональной сферы. Нарушение взаимодействия между эмоционально-образными компонентами и логическими связями, из которых состоит высказывание, приводит к тому, что человек может неправильно воспринимать те или иные единицы, соответственно, могут появляться и трудности в вербализации. Следствием является низкий процент понимания дескрипторов ощущений у пациентов с алекситимией. В семантической модели их речи наблюдается сжатость и сухость изложения, отсутствует колоритность и иносказательность, выражена неспособность к градации признаков, что проявляется, допустим, в непонимании разницы между дескрипторами «теплый», «горячий», «жгучий» применительно к боли («это все одно и то же»), сложности в балльной (от одного до десяти) оценке собственных негативных ощущений, проблемы с оценкой по шкале Лайкерта (часто выбирается вариант «Затрудняюсь ответить») — а именно по такому принципу и построено большинство клинических опросников для выявления уровня боли, тревоги и депрессии.

В целом ряде исследований отмечается склонность личностей с алекситимией к использованию негативной эмоциональной лексики, что может отражать негативно смещенное семантическое извлечение эмоциональных концепций [16], однако у этой проблемы есть и другая сторона: в связи с высокой степенью клинической значимости проблемы речь информантов с алекситимией изучается преимущественно в контексте наличия у них каких-либо заболеваний и жалоб на них [2], что исследования позитивной лексики не предполагает. Данное направление представляется перспективным, и отдельные результаты в этой сфере уже получены. Так, выявлено, что алекситимия влияет на осознание и экстерииоризацию негативных эмоций в большей степени по сравнению с позитивными [42].

Также в последние несколько лет активизируются проекты, связанные с возможностью цифрового выявления уровня алекситимии. Необходимость обусловлена клиническим запросом, поскольку коморбидность алекситимии

с разными видами психопатологии очень высока. Ограничение исследований заключается в том, что уровень алекситимии, в сущности, измеряется только шкалами самоотчета (хотя и разными; в общей сложности насчитывается 11 инструментов [2]), наиболее часто применяется упомянутая выше шкала TAS-20; широкое использование приобретает также шкала Perth Alexithymia Questionnaire (PAQ), разработанная в 2018 году [43; 44], в настоящее время осуществляется ее адаптация для носителей русского языка [45]). Подчеркивается, что необходимы более объективные методы измерения и идентификации алекситимии в клинических выборках. Так, исследование Т. Меанеу и соавторов показало, что фенотипы лица, голоса и речи, включенные в модели машинного обучения, могут представлять собой многообещающую альтернативу для выявления лиц с посттравматическим стрессовым расстройством, страдающих алекситимией. В исследовании приняли участие 56 человек, для извлечения из записей лицевых, голосовых и языковых характеристик использовалось специализированное программное обеспечение, далее применялись модели классификации машинного обучения (экстремальный градиентный бустинг [XGBoost]), которые обучались и тестировались в рамках 5-кратной вложенной перекрестной проверки на предмет их способности классифицировать алекситимию [31]. Перспективой является масштабирование данного проекта и проверка гипотезы в других выборках.

Особенности обработки невербальной информации информантами с высоким уровнем алекситимии

Информанты с высоким уровнем алекситимии признают, что они не понимают даже «внутри себя, без слов», что именно происходит, какие ощущения они испытывают. J. Nemiah описывает следующую ситуацию: пациент может плакать, но, когда его спрашивают о причине слез, он не отмечает у себя наличие чувства печали или грусти. Соответственно, пациент не может объяснять, почему он плачет [46]. Часть информантов склонна утверждать, что «внутри себя, без слов» они отличают одно ощущение от другого, но назвать это словами слишком сложно. В соответствии с этим в клинической практике обсуждается целесообразность введения визуальной и звуковой невербальной опоры в процесс диагностики пациентов с высоким уровнем алекситимии, однако не все тонкости ощущений и эмоций можно адекватно изобразить паравербально. Кроме того, данные по восприятию эмоциональных просодических компонентов неоднородны, а результаты экспериментов по мимическим шкалам (например, мимической шкале боли) свидетельствуют о низком уровне эффективности их использования в данной выборке [2. С. 111–112], в литературе также описаны трудности обработки информации, связанной с выражением лиц, при высоком уровне алекситимии [47–50].

Исследования, посвященные усвоению невербальных знаков алекситимичными личностями, показывают, что людям с высоким уровнем алекситимии трудно адекватно классифицировать выраженные невербальными

средствами негативные эмоции, в особенности печаль, грусть, уныние, вследствие чего делаются выводы о сочетанном характере (совместное влияние алекситимии и аффективных состояний) нарушения восприятия невербальных знаков [51].

Помимо исследований, связанных с самоотчетом, осуществляются эксперименты, нацеленные на объективизацию выводов в данной области, в частности с использованием айтрекинга. Так, Т. Suslow с соавторами изучили взаимосвязь между алекситимией и визуальной обработкой выражений лица у пациентов с клинической депрессией. В задании «лицо в толпе» сравнивались поведение взгляда и время реакции 20 пациентов с алекситимией и 19 пациентов без алекситимии, страдающих депрессией. В качестве целевых и отвлекающих стимулов демонстрировались выражения лица разных людей: гневные, счастливые и нейтральные. Выявлено, что алекситимия сопровождается нарушениями визуальной обработки множественных лицевых эмоций при клинической депрессии и, вероятно, связана с замедленным временем реакции и длительным сканированием после первой фиксации взгляда на целевом лице [52].

По данным исследований с использованием функциональной магнитно-резонансной томографии, в котором изучались особенности восприятия лиц с нейтральным выражением в сравнении со счастливыми, сердитыми и испуганными лицами выявлено, что у лиц с высоким уровнем алекситимии меньшая чувствительность к восприятию выражения гнева на лице. Перцептивные изменения могут отражать нарушение автоматического распознавания или интеграции сигналов социального гнева в процессы оценки и могут способствовать проблемам в межличностных отношениях, связанным с алекситимией [53].

В целом важным представляется тот факт, что при высоком уровне алекситимии страдает не только вербальная экстериоризация [54]. Результаты исследований в данной области позволяют предположить, что алекситимия связана с нарушением и вербального, и невербального распознавания эмоциональных стимулов, соответственно, характерный признак алекситимии – трудность в выражении эмоций словами – может быть маркером более общего нарушения способности к обработке эмоциональной информации [55].

Заключение

Приобретение и использование концептуальных знаний об эмоциях происходит посредством языка, и в случае высокого уровня алекситимии происходит нарушение формирования эмоциональных концепций из различных аффективных состояний в силу дефицита осознания этих ощущений и, соответственно, их вербальной экстериоризации. Алекситимия касается не только языковой сферы: на невербальном уровне аналогичная обработка также является затрудненной. Лингвистическое исследование речи пациентов с высоким уровнем алекситимии показывает, что специфичность когнитивной

обработки проявляется в сфере лексики и семантики, а также на грамматическом уровне языка. Специфика переработки лексической информации у информантов с алекситимией затрагивает не только лексико-семантические группы, в которые входят перцептивные единицы, но и иные семантические пласты, влияет на скорость актуализации пассивного словарного запаса и формирует специфику восприятия отдельных частей речи и грамматических конструкций.

В настоящее время перспективными для исследования алекситимии являются такие направления, как нейролингвистическое, психолингвистическое, паралингвистическое, актуально изучение вопросов специфики восприятия речи и ее порождения у алекситимичных личностей, важными представляются исследования в области взаимосвязи специфических речевых нарушений и алекситимии.

References / Список литературы

1. Brel, E.Yu. (2018). *Alexithymia in Health and Disease: Psychological Structure and Prevention Options* [PhD Thesis]. Tomsk. (In Russ.). EDN: ZDGCVV
Брель Е.Ю. Алекситимия в норме и патологии: психологическая структура и возможности превенции: дисс. ... д-ра психол. наук. Томск, 2018. EDN: ZDGCVV
2. Gorobets, E.A. (2025). *Neurolinguistic and Psycholinguistic Analysis of Alexithymic Patients' Speech*: monograph. Kazan: Vestfalika. (In Russ.).
Горобец Е.А. Нейролингвистический и психолингвистический анализ речи алекситимичных пациентов: монография. Казань : Вестфалика, 2025.
3. Sifneos, P.E. (1973). The Prevalence of "Alexithymic" Characteristics in Psychosomatic Patients. *Psychotherapy and Psychosomatics*, 22, 255–262. <https://doi.org/10.1159/000286529>
4. Gorobets, E.A., & Esin, R.G. (2025). Alexithymia — Traditional and Advanced Studies. *S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, 124(10), 36–41. (In Russ.). <https://doi.org/10.17116/jnevro202512510136>
5. Preece, D.A., Petrova, K., Mehta, A., Sikka, P., & Gross, J.J. (2024). Alexithymia or General Psychological Distress? Discriminant Validity of the Toronto Alexithymia Scale and the Perth Alexithymia Questionnaire. *Journal of Affect Disorders*, 1(352), 140–145. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2024.01.271> EDN: XZKBMN
6. Brewer, R., Cook, R., & Bird, G. (2016). Alexithymia: A General Deficit of Interoception. *Royal Society Open Science*, 3, 150664. <https://doi.org/10.1098/rsos.150664> EDN: XZKBMN
7. Ernst, T., Chang, L., Jovicich, J., Ames, N., & Arnold, S. (2002). Abnormal Brain Activation on Functional MRI in Cognitively Asymptomatic HIV Patients. *Neurology*, 59(9), 1343–1349. <https://doi.org/10.1212/01.wnl.0000031811.45569.b0>
8. Hobson, H., Hogeveen, J., Brewer, R., Catmur, C., Gordon, B., Krueger, F., Chau, A., Bird, G., & Grafman, J. (2018). Language and Alexithymia: Evidence for the Role of the Inferior Frontal Gyrus in Acquired Alexithymia. *Neuropsychologia*, 111, 229–240. <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2017.12.037>
9. Mendia, J., Zumeta, L.N., Cusi, O., Pascual, A., Alonso-Arbiol, I., Díaz, V., & Páez, D. (2024). Gender Differences in Alexithymia: Insights from an Updated Meta-Analysis. *Personality and Individual Differences*, 227, 112710. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2024.112710> EDN: DAYGIL
10. Palser, E.R., Palmer, C.E., Galvez-Pol, A., Hannah, R., Fotopoulou, A., & Kilner, J.M. (2018). Alexithymia Mediates the Relationship between Interoceptive Sensibility and Anxiety. *PLoS One*, 13(9), e0203212. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0203212>

11. Barrett, L.F. (2006). Solving the Emotion Paradox: Categorization and the Experience of Emotion. *Society for Personality and Social Psychology*, 10(1), 20–46. <https://doi.org/10.1207/s15327957pspr100> EDN: JBPYPF
12. Lindquist, K.A., MacCormack, J.K., & Shablack, H. (2015). The Role of Language in Emotion: Predictions from Psychological Constructionism. *Frontiers in Psychology*, 6, 1–17. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00444>
13. Lindquist, K.A. (2017). The Role of Language in Emotion: Existing Evidence and Future Directions. *Current Opinion in Psychology*, 17, 135–139. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2017.07.006>
14. Brooks, J.A., Shablack, H., Gendron, M., Satpute, A.B., Parrish, M.H., & Lindquist, K.A. (2017). The Role of Language in the Experience and Perception of Emotion: A Neuroimaging Meta-Analysis. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, 12(2), 169–183. <https://doi.org/10.1093/scan/nsw121>
15. Oosterwijk, S., Lindquist, K.A., Anderson, E., Dautoff, R., Moriguchi, Y., & Barrett, L.F. (2012). States of Mind: Emotions, Body Feelings, and Thoughts Share Distributed Neural Networks. *NeuroImage*, 62(3), 2110–2128. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2012.05.079>
16. Lee, K.S., Murphy, J., Catmur, C., Bird, G., & Hobson, H. (2022). Furthering the Language Hypothesis of Alexithymia: An Integrated Review and Meta-Analysis. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 141, 104864. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2022.104864> EDN: CWKOZU
17. Preece, D.A., Mehta, A., Petrova, K., Sikka, P., Bjureberg, J., Becerra, R., & Gross, J.J. (2023). Alexithymia and Emotion Regulation. *Journal of Affect Disorders*, 324, 232–238. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2022> EDN: VYCXVP
18. Pisani, S., Murphy, J., Conway, J., Millgate, E., Catmur, C., & Bird, G. (2021). The Relationship between Alexithymia and Theory of Mind: A Systematic Review. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 131, 497–524. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2021.09.036> EDN: HCMBWV
19. Esin, R.G., Gorobets, E.A., Galiullin, K.R., & Esin, O.R. (2014). Alexithymia — Baseline Trends of Research. *S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, 12, 148–150. (In Russ.). <https://doi.org/10.17116/jnevro2014114121148-151> EDN: TIWRXZ
Есин Р.Г., Горобец Е.А., Галиуллин К.Р., Есин О.Р. Алекситимия — основные направления изучения // Журнал неврологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 2014. № 12. С. 148–150. <https://doi.org/10.17116/jnevro2014114121148-151> EDN: TIWRXZ
20. Gorobets, E.A., Esin, R.G., & Volskaya, Yu.A. (2022). Interdisciplinary Study of Alexithymia. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 164(1–2), 180–196. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.1-2.180-196> EDN: RKFLXB
Горобец Е.А., Есин Р.Г., Вольская Ю.А. Междисциплинарное изучение алекситимии // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 164. № 1–2. С. 180–196. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2022.1-2.180-196> EDN: RKFLXB
21. Cameron, K., Ogrodniczuk, J., & Hadjipavlou, G. (2014). Changes in Alexithymia Following Psychological Intervention: a Review. *Harvard Review of Psychiatry*, 22(3), 162–178. <https://doi.org/10.1097/HRP.0000000000000036>
22. Di Trani, M., Mariani, R., Renzi, A., Greenman, P.S., & Solano, L. (2018). Alexithymia According to Bucci's Multiple Code Theory: A Preliminary Investigation with Healthy and Hypertensive Individuals. *Journal of Psychology & Psychotherapy*, 91(2), 232–247. <https://doi.org/10.1111/papt.12158>
23. Luminet, O., & Nielson, K.A. (2025). Alexithymia: Toward an Experimental, Processual Affective Science with Effective Interventions. *Annual Review of Psychology*, 76(1), 741–769. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-021424-030718> EDN: GGQCKE
24. Starostina, E.G., Taylor, G.D., Quilty, L., Bobrov, A.E., Moshnyaga, E.N., Puzyreva, N.V., Bobrova, M.A., Ivashkina, M.G., Krivchikova, M.N., Shavrikova, E.P., & Bagby, R.M. (2010). A New 20-item Version of the Toronto Alexithymia Scale: Validation of the Russian

- Language Translation in a Sample of Medical Patients. *Social and Clinical Psychiatry*, 20(4), 31–34. (In Russ.). EDN: NAVPKP
- Старостина Е.Г., Тэйлор Г.Д., Квилти Л.К., Бобров А.Е., Мошняга Е.Н., Пузырева Н.В., др. Торонтская шкала алекситимии (20 пунктов): валидизация русскоязычной версии на выборке терапевтических больных // Социальная и клиническая психиатрия. 2010. Т. 20. № 4. С. 31–34. EDN: NAVPKP
25. Marty, P., & Uzan, M.M' (1963). De la Pensée Opératoire. *Revue Française de Psychanalyse*, 27, 345–356.
26. Fricchione, G., & Howanitz, E. (1985). Aprosodia and Alexithymia — a Case Report. *Psychotherapy and Psychosomatics*, 43(3), 156—160.
27. Dickey, C.C., Vu, M.A.T., & Voglmaier, M.M. (2012). Prosodic Abnormalities in Schizotypal Personality Disorder. *Schizophrenia Research*, 142(1–3), 20–30. <https://doi.org/10.1016/j.schres.2012.09.006>
28. Goerlich, K.S., Aleman, A., & Martens, S. (2012). The Sound of Feelings: Electrophysiological Responses to Emotional Speech in Alexithymia. *PLoS ONE*, 7(5), e36951. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0036951>
29. Goerlich-Dobre, K.S., Witteman, J., & Schiller, N.O. (2014). Blunted Feelings: Alexithymia is Associated with a Diminished Neural Response to Speech Prosody. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, 9(8), 1108–1117. <https://doi.org/10.1093/scan/nst075>
30. Swart, M., Kortekaas, R., & Aleman, A. (2009). Dealing with Feelings: Characterization of Trait Alexithymia on Emotion Regulation Strategies and Cognitive-Emotional Processing. *PLoS ONE*, 4(6), e5751. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0005751>
31. Meaney, T., Yadav, V., Galatzer-Levy, I., & Bryant, R. (2025). Using Digital Phenotypes to Identify Individuals with Alexithymia in Posttraumatic Stress Disorder: Cross-Sectional Study. *JMIR Ment Health*, 12, e83575. <https://doi.org/10.2196/83575>
32. Gorobets, E.A. (2025). Verbal Description of Pain by Adolescents with High Levels of Alexithymia. *Kazan Journal of Historical, Linguistic, and Legal Research*, 167 (4), 131–142. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.4.131-142> EDN: TRTSYY
Горобец Е.А. Специфика вербального описания боли подростками с высоким уровнем алекситимии // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 167. № 4. С. 131–142. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.4.131-142> EDN: TRTSYY
33. Gorobets E. (2025). Specificity of Cognitive Processing of Dizziness Descriptors in Adolescents with High Levels of Alexithymia. *Philology and Culture*, 4 (82), 26–31. <https://doi.org/10.26907/2782-4756-2025-82-4-26-31>. (In Russ.)
Горобец Е.А. Специфика когнитивной обработки дескрипторов головокружения подростками с высоким уровнем алекситимии // Филология и культура. 2025. № 4 (82). С. 26—31. <https://doi.org/10.26907/2782-4756-2025-82-4-26-31> EDN: YJYHMP
34. Golovina, T.A. (2012). Cognitive and Linguopersonological Approaches to the Study of Parts of Speech. In: *Functional-Cognitive Analysis of Linguistic Units and Its Applicative Potential. Collected Papers* (pp. 92–93). Barnaul: AlgtGPA. (In Russ.). EDN: WNUCDT
Головина Т.А. Когнитивный и лингвоперсонологический подходы к исследованию частей речи // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал: тр. и матер. междунар. конф. (Барнаул, 5–7 октября 2011 г.). Барнаул : АлтГПА, 2012. С. 92–93. EDN: WNUCDT
35. Kubryakova, E.S. (2004). *Language and Knowledge. Toward Acquiring Knowledge of Language: Parts of Speech from a Cognitive Perspective. The Role of Language in Understanding the World*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).
Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004.

36. Lee, K.S., Catmur, C., & Bird, G. (2025). Childhood Language Development and Alexithymia in Adolescence: an 8-year Longitudinal Study. *Development and Psychopathology*, 37(3), 1165–1175. <https://doi.org/10.1017/S0954579424001007>
37. Boyd, R.L., Ashokkumar, A., Seraj, S., & Pennebaker, J.W. (2022). *The Development and Psychometric Properties of LIWC-22*. University of Texas at Austin.
38. Renzi, A., Mariani, R., Di Trani, M., & Tambelli, R. (2020). Giving Words to Emotions: the Use of Linguistic Analysis to Explore the Role of Alexithymia in an Expressive Writing Intervention. *Psychotherapy Research*, 23(2), 452. <https://doi.org/10.4081/ripppo.2020.452>
39. Wotschack, C., & Klann-Delius, G. (2013). Alexithymia and the Conceptualization of Emotions: A Study of Language use and Semantic Knowledge. *Journal of Research in Personality*, 47(5), 514–523. <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2013.01.011>
40. Galkina, S.G., Lasovskaya, T.Yu., & Pupkova, E.O. (2021). Verbalization of Cognitive Processes in Texts of Alexithymic Bilinguals. *Philology: Scientific Researches*, 12, 1–10. (In Russ.). <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2021.12.37087> EDN: PPSYYP
Галкина С.Г., Ласовская Т.Ю., Пупкова Е.О. Вербализация когнитивных процессов в текстах алекситимиков-билингвов // Филология: научные исследования. 2021. № 12. С. 1–10. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2021.12.37087> EDN: PPSYYP
41. Bochkareva, E.V. (2020). Literature and Modernity. In: *Proceedings of the Scientific Conference*. Part 2: *Linguistics* (pp. 9–15). Perm: Perm State Pedagogical University publ. (In Russ.).
Бочкарева Е.В. Словесность и современность // Материалы научной конференции 23–24 ноября 2000 г. Ч. 2: Лингвистика. Пермь : Пермский гос. пед. ун-т, 2000. С. 9–15.
42. Suslow, T., & Donges, U.S. (2017). Alexithymia Components Are Differentially Related to Explicit Negative Affect But Not Associated with Explicit Positive Affect or Implicit Affectivity. *Frontiers in Psychology*, 8, 1758. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01758>
43. Preece, D., Becerra, R., Robinson, K., Dandy, J., & Allan, A. (2018). The Psychometric Assessment of Alexithymia: Development and Validation of the Perth Alexithymia Questionnaire. *Personality and Individual Differences*, 132, 32–44. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.05.011>
44. Preece, D.A., Petrova, K., Mehta, A., Sikka, P., & Gross, J.J. (2024). Alexithymia or General Psychological Distress? Discriminant Validity of the Toronto Alexithymia Scale and the Perth Alexithymia Questionnaire. *Journal of Affect Disorders*, 352, 140–145. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2024.01.27> EDN: FXSORT
45. Larionow, P., Preece, D.A., Khokhlova, O.Yu., & Iakovleva, M.V. (2023). Assessing Alexithymia: Psychometric Properties of the Russian Version of the Perth Alexithymia Questionnaire. *Clinical Psychology and Special Education*, 12(1), 43–65. <https://doi.org/10.17759/cpse.2023120103> EDN: CRZSOX
46. Nemiah, J.C. (1975). Denial Revisited: Reflections on Psychosomatic Theory. *Psychotherapy and Psychosomatics*, 26, 140–147.
47. Phillips, M.L., Young, A.W., Senior, C., Brammer, M., Andrew, C., Calder, A.J., Bullmore, E.T., Perrett, D.I., Rowland, D., Williams, S.C., Gray, J.A., & David, A.S. (1997). A Specific Neural Substrate for Perceiving Facial Expressions of Disgust. *Nature*, 389(6650), 495–488. <https://doi.org/10.1038/39051>
48. Jessimer M., & Markham, R. (1997). Alexithymia: A Right Hemisphere Dysfunction Specific to Recognition of Certain Facial Expressions? *Brain and Cognition*, 34(2), 246–258. <https://doi.org/10.1006/brcg.1997.0900>
49. Kano, M., Fukudo, S., Gyoba, J., Kamachi, M., Tagawa, M., Mochizuki, H., Itoh, M., Hongo, M., & Yanai, K. (2023). Specific Brain Processing of Facial Expressions in People with Alexithymia: An H2 15O-PET study. *Brain*, 126(Pt 6), 1474–1484. <https://doi.org/10.1093/brain/awg131> PMID: 12764066
50. Jongen, S., Axmacher, N., Kremers, N.A., Hoffmann, H., Limbrecht-Ecklundt, K., Traue, H.C., & Kessler, H. (2024). An Investigation of Facial Emotion Recognition Impairments in

- Alexithymia and its Neural Correlates. *Behavioural Brain Research*, 271, 129–139. <https://doi.org/10.1016/j.bbr.2014.05.069>
51. Bayot, M., Pleyers, G., Kotsou, I., Lefèvre, N., Sauter, D.A., & Vermeulen, N. (2014). Joint Effect of Alexithymia and Mood on the Categorization of Nonverbal Emotional Vocalizations. *Psychiatry Research*, 216(2), 242–247. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2013.12.007>
52. Suslow, T., Günther, V., Hensch, T., Kersting, A., Bodenschatz, C.M. (2021). Alexithymia Is Associated With Deficits in Visual Search for Emotional Faces in Clinical Depression. *Frontiers in Psychiatry*, 12, 668019. <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2021.668019> EDN: GRQZTC
53. Rosenberg, N., Ihme, K., Lichev, V., Sacher, J., Rufer, M., Grabe, H.J., Kugel, H., Pampel, A., Lepsen, J., Kersting, A., Villringer, A., & Suslow, T. (2020). Alexithymia and Automatic Processing of Facial Emotions: Behavioral and Neural Findings. *BMC Neuroscience*, 21(1), 23. <https://doi.org/10.1186/s12868-020-00572-6> EDN: ECURRA
54. Wagner H., & Lee, V. (2008). Alexithymia and Individual Differences in Emotional Expression. *Journal of Research in Personality*, 42(1), 83–95.
55. Lane, R.D., Sechrest, L., Reidel, R., Weldon, V., Kaszniak, A., & Schwartz, G.E. (1996). Impaired Verbal and Nonverbal Emotion Recognition in Alexithymia. *Psychosomatic Medicine*, 58(3), 203–210. <https://doi.org/10.1097/00006842-199605000-00002>

Сведения об авторе:

Горобец Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой прикладной и экспериментальной лингвистики, ведущий научный сотрудник НИЛ «Нейрокогнитивные исследования», заведующий Центром патологии речи Медико-санитарной части Казанского (Приволжского) федерального университета (420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18); *e-mail*: Elena.Gorobets@kpfu.ru
ORCID: 0000-0002-3859-5543, SPIN-код: 1702-2146, ResearcherID N-7983-2013: Scopus ID: 56414621100.

Information about the author:

Elena A. Gorobets, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Applied and Experimental Linguistics, Leading Researcher, Neurocognitive Research Laboratory, Head of the Center for Speech Pathology at University Clinic, Kazan (Volga region) Federal University (18 Kremlyovskaya Str., Kazan, Russian Federation, 420008); *e-mail*: Elena.Gorobets@kpfu.ru
ORCID: 0000-0002-3859-5543, SPIN-code: 1702-2146, ResearcherID N-7983-2013: Scopus ID: 56414621100.